

Нюта Смит

Аннунаки. Египет: ОСКОЛКИ ИСТИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нюта Смит

Аннунаки. Египет: осколки истины

«Автор»

2026

Смит Н.

Аннунаки. Египет: осколки истины / Н. Смит — «Автор», 2026

В песках Египта скрыто не только золото фараонов, но и память богов, стёртая временем, гордыней и предательством. Исида и её сестра Амонет отправляются в забытую лабораторию Нинхурсаг, чтобы найти утраченные технологии восстановления Ка — древней сути души. Каждый найденный артефакт возвращает не только фрагменты памяти, но и старые раны, тайные союзы и цену бессмертия, которую когда-то заплатили Аннунаки. На их пути встают не только стражи забвения и тени прошлого, но и главный выбор: справедливость или возмездие? Прощение или кара? «Аннунаки. Египет: Осколки Истины» — мистическое переплетение древнеегипетской мифологии и шумерских хроник, где боги не идеальны, а технологии древности граничат с сакральной магией. История о памяти, сестринской связи, власти и цене знания. Книга предназначена для читателей 18+. Содержит сцены откровенного характера, сложные моральные дилеммы и элементы мистической эротики, органично вплетённые в эпическое повествование.

© Смит Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава I. Возвращение из Неферу	6
Глава II. Тени Урука и Шёпот Змея	8
Глава III. Весы Дуата и Гнев Змея	11
Глава IV. Гнев Солнца и Тени Дуата	14
Глава V. Одержимость Солнца и Тени Мемфиса	17
Глава VI. Судьи Дуата и Пробуждение в Луксоре	20
Глава VII. Одержимость Творца и Клинок Памяти	23
Глава VIII. Сон Звёздного Океана и Нити Триединства	28
Глава IX. Тень Архитектора и Клятва Крови	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Нюта Смит

Аннунаки. Египет: осколки истины

От автора

Эта книга родилась не на пустом месте. Она собрана из шёпота пустынного ветра, из отблесков звёзд над Нилом, из осколков древних табличек, что хранят память о тех, кого мы зовём богами. Но боги ли они? Или просто существа, чья сила измерялась не властью, а болью, любовью и жаждой понять самих себя?

Я не стремилась пересказать мифы. Я хотела услышать, что скрывается за их золотыми масками. Что чувствует Исида, когда память стирается, а долг требует выбрать между справедливостью и милосердием? Что хранит в себе Амонет, чей взгляд горит багровым огнём, а руки готовы и защитить, и разрушить? Эта история — не учебник истории и не свод канонов. Это попытка собрать разбитое зеркало, в котором отражаются не идеальные божества, а живые, страдающие, страстные и ошибающиеся существа.

В основе повествования — переплетение египетских и шумерских преданий, хроник об Аннунаках, легенд о Тиамат и Апофисе. Но я вновь позволила себе отступить, как и в первой книге **"Аннунаки. Воспоминания о человечестве"**, от канона там, где миф молчит, а сердце требует голоса. Древние имена здесь не догма, а ключи к мирам, где технологии граничат с сакральной магией, а Ка — душа — становится нитью, связующей прошлое и настоящее.

Вы встретите в этих страницах сцены откровенного характера. Они не ради провокации, а ради правды. В мире, где боги творят и разрушают, где память возвращается через боль, а любовь переплетается с властью, телесность становится частью священного ритуала. Это язык, на котором говорят те, кто помнит своё божественное происхождение.

Спасибо, что открыли эту книгу. Спасибо, что решились снова шагнуть в мир, где истина не даётся готовой, а собирается по осколкам. Пусть каждый фрагмент, найденный здесь, найдёт отклик в вашей собственной памяти. И помните: даже боги учатся прощать. Даже змеи хранят равновесие. А истина... она всегда ждёт тех, кто не боится смотреть ей в глаза.

С теплом и верой в силу слова, и большой благодарностью что вы все еще со мной. Ваша Нюта

Глава I. Возвращение из Неферу

Белоснежные колонны храма в Луксоре замирали в полуденном зное, храня прохладу священных теней. Этот комплекс был не лишь местом поклонения, но и тихой обителью, где Исида могла отдохнуть от тяжести короны и быть просто женщиной рядом с Любимым и своей Семьей.

Она лениво потянулась, встречая взгляд в зеркале из полированного металла. Лик, не тронутый временем, смотрел на неё с привычным спокойствием. Надев золотые браслеты, Исида провела гребнем по тяжёлым прядям и задумалась: не пора ли изменить что-то в убранстве, как то делают смертные девушки, ищущие новизны в устоявшемся порядке? Шурша тонким льном одеяния, она спустилась по мраморным ступеням из внутренних покоев — и почти сразу на неё налетела Амонет. — Сестрица, сестрица, там такое... — Амонет в ужасе прикрыла рот ладонью. Исида лениво вздёрнула бровь: — Ты, как всегда, склонна приукрашивать, или же...? — Нет, Иша, нет! Из земли, в самый разгар дня, проявился Апофиз. И на себе он принёс... — Амонет тяжело вздохнула, закрывая глаза. — Девушку. Чей лик неотличим от нашей сестры Эрешкигаль.

Сердце Исиды пропустило удар. Не медля, она бросилась по указанному пути, скользя меж колонн, пока тени не сомкнулись над ней. В прохладной нише, укрытый от прямых лучей Ра, лежал сам Апофиз. Его чешуйчатая кожа дымилась там, где коснулся солнечный свет, а язык медленно зализывал глубокие ожоги. — Тебе же запрещено являться в часы Солнечного Ока, — тихо произнесла Исида, склоняясь над ним. — Кого ты привёл столь срочно? — Ты знаешь, что я выдержу любой жар. И мне безразличны запреты, что вы, боги, налагаете на тьму. Здесь ограничиваешь в основном ты, а не сам Ра, — поморщился Апофиз, но в голосе не было упрёка, лишь усталая усмешка. Ожоги всё ещё ныли. Исида кивнула жрецам, стоявшим в отдалении, повелев принести священные бальзамы: мирру, ладан и масла кипра. Сама же она подошла к каменной скамье, где лежала девушка. Та дышала ровно, облачённая в ткани, сотканые из храмовой пыли и выцветшего золота. И действительно... *похожа. Слишком похожа.* Исида закрыла глаза, шумно выдохнув. *Так. Спокойно. Дыши.*

— Апофиз, в каком из миров ты отыскал её? — Бродил по нижним пределам, где тьма сгущается в сущности, — отозвался змей, втирая бальзам в чешуйчатые руки. — Нашёл её молящей. Голос дрожал, но зов был чист. Мне не оставалось ничего, кроме как отсечь щупальца мрака хвостом, выдохнуть пар ядовитых смол и вынести её наверх. Путь был опасен, сущности нападали снова и снова. Пришлось нести её в истинном облике, иначе не уберёг бы. Жалко всё-таки... хоть я и гад. — Выразился в буквальном смысле, — усмехнулась Исида, присаживаясь рядом. — Она успела поведать что-либо о себе? Как оказалась в тех пределах? — Сказала, что её продали в услужение тени. Была жрицей в святилище Ра, непрестанно молилась о свете и благополучии храма. Но отвергла притязания одного из старших жрецов. Тот, разгневанный, заключил договор с духом Нижних земель, отдав её душу в обмен на покой обители. Что-то в этом роде... — Апофиз поморщился, когда бальзам коснулся свежих ран. Амонет, стоявшая рядом, молча взяла сосуд с маслом и принялась обрабатывать глубокие ожоги на его спине, её пальцы двигались уверенно и бережно. — А как её звали? Она назвала имя? — Да. Звучит как звон золота. У неё несколько имён, но основное... Ммм... Хатхор. Именно так. Но взгляни на её руку. Видишь знак? — В виде зелёного ящера, — мрачно закончила Исида. Голос её дрогнул. Она знала. Апофиз удивлённо вскинул брови: — Откуда тебе ведом этот знак? — Перед Великим Потопом одна из наших сестёр исчезла. Точнее, нам с Амонет сказали, что её Ка рассеялось, — Исида обернулась к младшей сестре. Та вздрогнула и опустила глаза. Да, им так сказали. Но что произошло на самом деле, ведал лишь Пта, запершийся в мемфисских святилищах после наставления египтян. Он общался лишь с Ра, храня молчание, как склеп. Исида

болезненно сжала пальцы. Либо сестра выжила чудом, либо была возрождена чьей-то тайной волей... и довольно быстро. Выглядела она юной, почти девичьей. Но рука... *кожа на кисти отливала бирюзой, словно отмеченная самой вечностью.*

В этот момент девушка на скамье заматалась. Веки дрогнули, и она открыла глаза, резко прикрыв лицо ладонью от пробивавшихся лучей.— Хвала Свету... Я дышу? Но где я? — Она подскочила, оглядываясь лихорадочным взглядом. Увидев Исиду, мгновенно склонилась в земном поклоне. *Да, кто-то действительно вернул её. Тело человека, куда меньшее и хрупкое, чем прежде... но кто-то собрал её по сохранившимся осколкам Ка, раз знак на руке всё ещё горел бирюзовым огнём.*— Богиня... Это ваш свет спас меня?— Нет, моё Дитя, — мягко ответила Исида. — Тебя извлёк из тьмы тот, кого сказания называют Пожирателем.Апофиз медленно поднялся, отряхивая пыль с чешуи, и шутиливо склонил голову в поклоне. Хатхор отшатнулась, в глазах Амонет мгновенно заблестели слёзы.— Но... сказания гласят, он несёт гибель миру! — прошептала девушка, прячась за спину Амонет.Апофиз расхохотался, и звук этот был похож на шелест сухого тростника:— Это всего лишь сказки для наивных жриц, что верят в страшилки, сочинённые храмовыми устами. Вкусно поданные, с дозволения самого Ра, дабы старейшины управляли паствой, как пожелают. Я — змей, да. Оборотень. Я могу быть Мраком. Тёмным псом, если угодно. Чёрный дым вокруг шерсти, клыки, когти — всё при мне. В общем, я Апофис. И я откликнулся на твой зов, когда другие отвернулись. — Он протянул руку, но девушка вскрикнула и закрыла лицо в ужасе. Змей ухмыльнулся, опуская ладонь. — Исида, я всё понимаю, но где же благодарность со стороны спасённой?— Дорогой мой, дай девочке время вдохнуть воздух живых, — улыбнулась Исида, не сводя глаз с Хатхор. — Она воздаст. А я... я благодарна тебе сверх меры. Ты не представляешь, какую ценность в виде неё ты нам вернул.Амонет, выйдя из оцепенения, тихо рассмеялась, наблюдая, как Хатхор продолжает прятаться за её плечом, поглядывая на змея исподтишка.— Ну, если она так ценна, — голос Апофиса стал тише, но твёрже, — ты знаешь, что мне нужна награда.— Безусловно. И ты её получишь.— Я хочу то Знание, что скрывают от меня Старшие. **То, что было запечатано после Потопа.** — Он указал подбородком в сторону потолка, за которым пряталось небо.Исида медленно наклонила голову. Тень старого противостояния, начатого ещё в землях Двуречья, не утихла и после вод Потопа. Кровь Аннунаков и людей всё ещё помнила боль, а конфликт лишь нарастал, требуя расплаты. Но сейчас...— В иной раз я бы сказала, что ты просишь слишком многого, — прошептала она, глядя, как Амонет бережно взяла Хатхор за руку и увела в глубь храма, что-то задорно шепча на ухо. Девушка уже не дрожала. — Но сейчас... я могу сказать: ты получишь всё, что просишь. Не сегодня. Но обещаю — получишь.

Глава II. Тени Урука и Шёпот Змея

Вечерний закат над Луксором лил золото на белые колонны, и Исида чувствовала, как тепло камня проникает в подошвы сандалий. Она не ошиблась, выбрав это место второй обителью после Урука, что лишь недавно поднялся из пепла и ила, оставленного водами Потопа.

Подобрав складки льняного одеяния, Исида бесшумно ступила на мощёную плиту террасы, где в тени пальм сидел он. Руки, покоившиеся на коленях, поблёскивали чешуёй, мерцающей в сумерках. — Позволишь? — тихо спросила она. — Удивляешь, — рассмеялся Апофиз, не открывая глаз. — Это я у Тебя должен спрашивать позволения, а не наоборот. Он подался вперёд, освобождая место. Исида опустилась рядом, склонив голову ему на колени. Копна тяжёлых, чёрных, как ночь над Абзу, волос рассыпалась по его бёдрам. Он глубоко вздохнул, и в этом вздохе не было ни тени посягательства — лишь тихое, почти детское счастье от того, что Она рядом. Он знал: она принадлежит Осирису, её сердце отдано другому, её путь — путь Великой Матери и Судьи. Но ему было достаточно этого мгновения. Он не был слугой, не был рабом. Он был тем, кого Она удостоила вниманием. Соратником. В отличие от Ра, что смотрел на него с брезгливостью плебея, и Осириса, чей взгляд всегда был полем льда, Исида дарила ему тепло. Не жалость. Принятие.

Взяв гребень из слоновой кости, он принялся медленно, бережно распутывать её пряди. Исида, чувствуя его мысли, улыбнулась краем губ, не отрывая взгляда от свитка, развёрнутого на коленях. Свиток был не простым. На нём золотом и лазурью были начертаны отчёты разведчиков о руинах на Синайской возвышенности — там, где некогда возвышался Дом Нинхурсаг, колыбель их рода. — Опечалена? — голос змея прозвучал низко, вибрируя в камне. — Скажем так... эти руины были домом нашей с Амонет Наставницы, — выдохнула Исида. — Хоть она и не родила нас плотью, её мудрость, терпение и тихая нежность восполнили ту пустоту, что зовётся материнской любовью. Она была лучшим хранителем Жизни своего времени. Я отправила туда искателей. Надеяться на чудо. Но, судя по свиткам, камни хранят лишь эхо...

Апофиз замолчал, проводя гребнем по последним прядям. В его сознании иногда вспыхивали искры чужой памяти. Обрывки. Слишком мало, чтобы собрать узор, но достаточно, чтобы мучить. Исида боялась лезть в его разум. Она жаждала найти записи Нинхурсаг о возвращении Ка без боли, но знала: её собственный сосуд сознания, как и у Амонет, мог не выдержать наплыва. Любая кроха знаний о последних днях перед Потопом стоила риска, но не безумия. — Знаешь... — медленно начал он. — Я помню женщину. Она всегда стояла у светящихся кристаллов, бормотала, что Истина не должна застывать в одном месте. Что знание должно течь, как вода. Вы ведь держали связь с последними гиперборейскими кланами? Может, у них сохранились отголоски? Или стоит обратиться к Пта... — он поморщился, словно само имя обжигало язык. Исида нахмурилась, свиток дрогнул в руках: — Ни Пта, ни тем более Ра не должны вести о моих поисках. Никто. — Яхве не предлагаю... — хмыкнул Апофиз. — Нет. Он лишь помешает. Его это тоже гложет. Любые труды Нинмах, что он найдёт, будут погребены под семью печатями. Ты не представляешь, какой ценой я вынесла Таблицы «Ме» из руин Урука... — Кстати, о Таблицах... — Апофиз подмигнул, и в этом жесте мелькнула древняя, почти мальчишеская жадность до знания.

Исида села, подпёрла щеку кулаком. Взгляд её стал тяжёлым. — Ты точно уверен, что тебе срочно нужны эти Скрижали? Это не игра. Твой разум ещё не окреп для такой ноши. Дай мне время... — Время! — кулак Апофиза с грохотом обрушился на каменный стол. Его зрачки расширились, поглощая свет. — Я не могу ждать дольше, Исида! Это моя награда! — Безусловно, — её голос стал стальным, радужка вспыхнула багрянцем, как закат над кровью. — Но последствия будут. Твой сосуд не выдержит потока. Постепенно ты можешь утратить

нить «Я», раствориться в чужих голосах. Я возьму на себя твою судьбу. Но если ты обратишься в безумца, Копьё Ра найдёт тебя неизбежно. И ты будешь стёрт.

Она замолчала, глядя на него. Апофиз замер. Где-то в глубине веков он уже видел эти глаза. Не сейчас. Раньше. Когда он был другим. Когда она смотрела на него не как на изгнанника, а как на... равного? Нет, выше. Недостигаемую. Великую. Он не смел назвать это любовью. Это было благоговение. И тихая, безысходная надежда, что когда-нибудь, в другом круге, он будет достоин стоять рядом. Он знал это чувство — тяга к звезде, что светит, но не греет. И ощущение дежавю, что когда-то, до вод и до огня, он уже шёл за ней по коридорам забытых дворцов, зная, что никогда не коснётся. — Позволь... — прошептал он, опуская взгляд. — Я не могу больше ждать. — Хорошо, — выдохнула Исида, отводя взгляд. — Но помни о цене. Апофиз коротко кивнул. Чешуя покрыла его тело волной, воздух вокруг сгустился, и трещина в бытии раскрылась под его ногами. Он шагнул в тьму, не обернувшись. *Исида знала: это никогда не кончится. Ни поиск знаний, ни эта тихая, безмолвная война с прошлым.*

Тем временем в дальних покоях храма Амонет тихо прикрыла дверь, оставив Хатхор в полусне. *Сестричка... Как же вернуть тебе ясность, не разбив сосуд окончательно?* Вдохнув, она опустила голову и медленно пошла по коридору, где тени колонн ложились на пол, как печати. Она не заметила, как воздух рядом сгустился, и лишь в последний миг почувствовала движение. — Тётушка! — голос прозвучал прямо над ухом. Амонет вздрогнула. Перед ней, буквально в шаге, материализовался Гор. Он помахал рукой, улыбаясь той самой обезоруживающей улыбкой, что доставалась ему от матери, но с огнём отца в глазах. — Вы здесь, или уже снова улетаете от нас в свои тайны? Амонет хихикнула, покачав головой. Задумалась, не заметила сокола. Он обнял её, но тут же отстранился, живой и нетерпеливый: — Тётушка Амонет, а кто эта девушка, что Мать привела в храм? — Это... Хатхор, мой дорогой племянник, — мягко ответила она. — Она прекрасна... Из людей? — Можно сказать, почти. Апофиз вынес её из Нижних пределов. Кто-то наложил на неё печать забвения. Она не помнит ни имени, ни пути. — Грустно, — нахмурился Гор. — Тётушка, я хочу с ней познакомиться! Я побегу...

Он сделал шаг, но Амонет плавно переместилась, преградив путь. Её ладонь легла на его плечо — легко, но несокрушимо. — Дитя, не тревожь её покой. Ей нужны силы. Лучшие лекари Матери уже над ней. Разум смертного — тонкая ткань, а она пережила такое, что и бог содрогнётся. Позже. Когда она будет готова, ты встретишь её. — Тётушкааа, ну почему нужно ждать? — протянул он, но в голосе уже не было спора, лишь юношеское нетерпение. — Потому что она хрупка сейчас. И потому что... — Амонет запнулась, глядя в его ясные глаза. ***Знал бы ты, кем она была на самом деле.*** — От неё исходят волны, что мы с Матерью должны изучить. Относись к ней с бережностью, мой дорогой.

Гор вздохнул, кивнул, звонко чмокнул её в щеку и умчался, оставив за собой шлейф пыли и света. Амонет улыбнулась, наклонив голову. В её глазах вспыхнул багрянец. Нужно изучить звёзды. Небесная карта не лжёт. Может, им суждено сплести нити заново? Она выпрямилась и пошла к выходу. Пора возвращаться в храм Ра. Снова вопросы, снова намёки. Интересно, догадывается ли сам Владыка Солнца, что Хатхор — это тень Эрешкигаль, восставшая из праха? Амонет шаловливо усмехнулась. ***Ей нравилось играть в загадки. И случай, казалось, сам подкидывал карты***

.Рассвет над Мемфисом был серым и тяжёлым. В храме Пта седоватый мужчина с кожей цвета обожжённой глины и глазами, горящими жёлто-карей янтарной мглой, ходил из угла в угол. Он не покидал этих стен годами. Искал. Собирал. Возрождал тех, кто мог стать опорой в грядущей буре. Но... он чувствовал. Кожей, нутром, старой памятью Аннунаки чувствовал: Исида **знает**. Она видит нити, что он плетёт в темноте. И это пугало его больше, чем гнев брата Энлиля. Перед Потопом с Ней что-то сделала Нинмах. А потом исчезла сама. И Исида изме-

нилась. Стала цельной. Грозной. Женственной, но с стальным стержнем внутри. Умной. Проницательной. Будто она впитала в себя не только мудрость Сестры, но и саму суть Судьбы. Она знала слишком много. Как Энлиль. Как Нинмах. А порой — больше их всех. А ему нужно было закончить начатое. Они потеряли слишком многих в той битве, в водах, в забвении. И неважно, какой ценой процесс возвращения Аннунаков будет завершён. Но... Она ведь накажет его. Она теперь их Палач. Их Судья. **Их Память.** Он схватился за виски, рухнул на каменное сидение. Мысли метались, как птицы в клетке, сбиваясь в хаос. *Закончить. Нужно закончить.*

Тихий, аккуратный стук в дверь прорезал тишину. — Что? — голос сорвался на хрип. — Господин, — в щель просунулась седая голова Старшего жреца, — к вам посетитель. — Ра? — Нет, Господин. Это... — жрец не договорил. Его глаза округлились от ужаса. Дверь не открылась. Она разлетелась в щепу от напора невидимой силы. В проёме, заполняя собой полумрак, стоял Чёрный Змей. Чешуя переливалась, как ночное небо, а в зелёных глазах горел холодный, насмешливый огонь. — Ну здравствуй, Эа, — прорычал Апофиз, переступая порог. Пта-Энки шокированно откинулся назад, чувствуя, как воздух в зале сгустился до предела. *Гость, которого он не звал. Тень, что пришла за ответами. Или за долгом...*

Глава III. Весы Дуата и Гнев Змея

Храм Пта тонул в полумраке, пахнушем ладаном и остывшей глиной. Энки-Пта стоял недвижно, чувствуя, как холодный пот стекает по вискам. Апофиз не должен был помнить. Никогда. Цикл Перерождений стирал всё, оставляя лишь чистый лист Ка. Но Змей помнил.

Апофиз удовлетворённо покачал головой, и воздух вокруг него дрогнул. Чешуя отступила, облик сгустился в стройного юношу с руками, покрытыми чёрным, как обсидиан, узором. Он опустился в кресло напротив, откинувшись на спинку с видом хозяина, вернувшегося в давно забытый дом.

— Сомкни уста, братец, пока скарабеи не решили гнездиться в твоём изумлении, — голос его звучал низко, с металлическим отзвуком. — Или ты вправду полагал, что я забуду? Что не воспользуюсь шансом вернуть то, что принадлежит мне по праву? Кто просил тебя касаться моей Души? Тебе было сказано ясно: мой прах захоронен. Я ушёл в Круг. Мне было покойно там. До того мгновения, пока ты не вырвал меня оттуда и не впихнул в этот сосуд, — он провёл ладонью по своему телу, и чешуя на мгновение проступила вновь.

Пта нервно сглотнул. Горло пересохло. — Давай договоримся: то, что сказано здесь, не покинет стен храма.

— Храма? — Апофиз усмехнулся, и усмешка вышла хищной. — Или лаборатории по отбору сосудов для тех, кого вы решили оставить в живых после вашей войны с атлантами и лемурийцами?

— Откуда ты...?

— Я же сказал: воля случая. — Он оскалился, демонстрируя острые клыки.

— Исида? Ты у неё пытал Таблицы?

— Исиду лучше оставь в покое, — тихо ответил Апофиз, но в голосе дрогнула сталь.

— Ах, Исида... — Апофиз задумчиво продолжал разглядывать свои когти. — Я случайно набрёл на свитки, где Она изливала душу. О том, как вы ломали Её. Попыты над Сёстрами продолжались на орбите, во время Потопа, что вы же и устроили. Нечестно, не находишь? Ах да, я чуть не забыл: ты пытался утолить свою плотскую жажду через Неё. Хотел продолжения рода, отключив Нинурту от сознания. Не стыдно перед сыном? Нисколько? — Он впился взглядом в Пта, который медленно оседал в кресло, словно каменное изваяние. — Похотливые слепцы... И это говорю я, **Тёмное создание**. Ну да, ну да, конечно...

— Чего ты хочешь? — голос Пта сорвался, став глухим и севшим.

— Власти. Ты помнишь об этом. Но братец твой не отдаст её мне, я знаю. Я хочу одного: прекрати свои отборы. Перестань переплавлять измученные души наших братьев в новые сосуды.

Пта вскочил, взмахнув рукой: — Не бывать этому! Нас осталось слишком мало!

— Поэтому ты творишь гибридов? — Апофиз встал, шагнул ближе. — Нингишзидда, погибший в вашей безрассудной распре, «чудесным» образом возрождается в лоне Нут, а она тут же отворачивается от плода. И что делает отец? Впихивает неприкаянную Ка второго любимца в глиняный сосуд, смешанный с кровью смертных. Сет. Красивый воин, но... — он картинно вздохнул, — обречённый скитаться между мирами. Чужой среди Аннунаки. Оборотень. Я теперь знаю о многих, кого ты вывел своей безумной селекцией. **Хм, интересно, каким образом Энлиль позволил тебе это?**

— Тебя это не касается! — вскрикнул Пта, сжимая посох до побеления костяшек. — Не бывать тому, что ты задумал! **Изыди из моего храма!**

Он трижды ударил посохом о пол. Камень дрогнул, воздух свернулся в воронку, открывая разлом между мирами. Находясь на пороге небытия, Апофиз улыбнулся. Мстительно. Тихо.

Не хочешь прекратить безумие? Значит, безумием станет твоя жизнь...

Луксор. Храм Исида.

Ей не спалось. Исида ходила по мраморным плитам, считая шаги, как бусины на чётках. *Чего добивается Пта? Почему Ра молчит, словно онемел? Почему от Осириса нет вестей?* Вопросов было больше, чем звёзд над Нилом.

Слуги бесшумно внесли новое одеяние и украшения. *Ах да, утро. Жрецы снова начнут заунывно воспевать Её как Богиню-Мать.* Она вздохнула. Пусть лучше так, чем видеть в её глазах страх перед Разрушительницей. Эти состояния накатывали волнами, пугая даже Её саму. А ещё пугало то, что Осирис, возрождённый из праха после смерти от рук Сета, не помнил почти ничего. Только Её. Только сыновей. *Как вернуть Ему память? После нескольких лет на орбите, после Потопа, после всего... Их Ка были изранены, шишты наспех. И теперь ещё желания Апофиза... Хотя, Она была перед ним в долгу. Не навредило бы это людям?* От тяжёлых мыслей её отвлекло шуршание песка у порога и уважительный стук.

Анубис? Зачастил...

— Матушка? Вы уже пробудились от сна? — Я не спала, Сын мой. Входи.

Дверь отворилась, впуская юношу мощного телосложения, с кожей цвета пепла и мягкими, почти женственными чертами лица, за которыми угадывалась древняя, звериная суть. Он шагнул внутрь и опустился на одно колено, склонив голову. Исида тихо рассмеялась, опустив ладонь на его волосы, собранные в тугий узел с золотыми заклёпками: — Встань, Дитя моё. К чему эти церемонии? Что стряслось? Ты прибыл раньше обычного.

— Матушка, я не могу пропустить служение в Вашу честь, — он лукаво улыбнулся, чуть наклонив голову.

Исида фыркнула: — Ты снова хочешь пугать моих жрецов, насылая маревы с видениями пустынных шакалов?

— Они в прошлый раз обошлись со мной без должного почтения, — буркнул юноша, отворачиваясь.

Исида взяла его за подбородок, мягко, но настойчиво развернула к себе: — Сын, это не причина твоего визита. Что ты хочешь мне сказать? Ты был у Него?

Анубис вздохнул, опустился на скамью. Плечи опустились. — Он ведёт себя... странно. Суд над Душами, что должны войти в Круг через Врата Дуата, происходит несправедливо.

— То есть?

— Он стал судить не по Маат. Не взвешивая сердце против пера Истины. А по личным прихотям.

— Как он это объясняет? — Исида нахмурилась. — Ну же, Сын мой. Говори правду.

— Матушка, слова его туманны. Взгляд безумен. Покровы на коже темнеют, переходя в зелёный, как гниль на воде. Он говорит, что правит всем миром, и лишь ему решать, кому вернуться, а кому кануть в Небытие. Он называет себя... **Тем, кого благословил Архитектор.**

Исида вскочила. Шаги участились. Дыхание стало неровным. *Кто свёл его с ума? Неужели Пта попытался впрыснуть ему всю Память Души единым потоком? Это же гибель сосуда...* Анубис смотрел на неё с почтением и тревогой. Он помнил все её наставления: лучше не допускать событий, что пробуждают Её ярость. Ибо Она была нестабильна. Не готова снова брать на себя роль Палача. Лишать жизни. Или сил. Превращать богов в пыль. Ситуация накалялась, как металл в горне.

Исида выдохнула, заставила себя улыбнуться, и повернулась к сыну: — Сын мой, мне хотелось бы немного отвлечься. Скажи, когда ты найдёшь себе спутницу?

Тот шокированно выдохнул, но в глазах засветилась тёплая улыбка: — Вы же знаете, Матушка. Для меня лишь Вы — Идеал. Я настолько сосредоточен на служении, на том, чтобы провожать души в Круг без боли и страха, что даже не помышляю об ином. Ни одна женщина, ни одна Богиня не несёт в себе той полноты, что есть в Вас.

Исида рассмеялась, тихо, с грустинкой. *Вот чего не хватало этим мужчинам: не только почитания, но и понимания Её как живой, дышащей, уязвимой.* Она села рядом, взяла его за руку — тёплую, сильную, верную.— Сын мой, обещаю: не будешь так тревожиться за Меня. Я в порядке. Как бы ни было тяжело носить эти ощущения, я храню внутренний Баланс. И я хочу, чтобы ты был счастлив. Не только в служении. Но и в жизни.

— Я счастлив, Матушка. Счастлив быть с Вами. Служить делу. Помогать людям и Богам. — Уходишь от ответа, Сынок... — Нет. Я правда счастлив. Большого мне не нужно. Я обеспокоен лишь одним: жажда власти снова губит тех, кто выжил. Что мы будем делать?

Исида не ответила сразу. За окном вставало солнце, красное, как кровь на песке. Она знала: ответ придёт не сегодня. ***Но война уже началась. Не копьями. А памятью.***

Глава IV. Гнев Солнца и Тени Дуата

Луксор. Храм Исиды.

— Что мы будем делать, ты спрашиваешь? — Исида остановилась, её голос прозвучал тихо, но весомо. — Пока мы можем лишь наблюдать за его состоянием. Как только я отыщу нужные свитки, я спущусь в Дуат лично.

— Матушка, но что если поиски займут годы, а безумие поглотит отца гораздо быстрее? — Анубис нахмурился, в его янтарных глазах мелькнула тревога.

— Сообщишь мне лично. Или через Апофиза. Он всё равно странствует между мирами... — Исида меланхолично провела ладонью по волосам сына.

Поиски стоит ускорить. Каким образом? Одним Творцам ведомо. Если бы ты оставила хоть какие-то знаки...

— Апофиз... — Анубис поморщился. — Матушка, он же ведёт себя порой...

— Он — Тёмный. Его можно понять, Сын мой. Он прошёл через такие горнила, сравнимые разве что с путями Сета. Иногда нужно надеть обувь того, кого осуждаешь, и пройти его тропу до конца.

— Но он же просто Змей, оборотень... Я пока не готов доверять ему.

— Если доверяю Я, значит, Я ведаю больше. И это стоит сделать, мой дорогой. Сейчас моя воля неоспорима. Если он нарушит клятву, ты будешь первым, кто изгонит его. — Исида поднялась.

Анубис последовал её примеру, смиренно склонив голову. — Ваше слово для меня — Закон, Матушка. Вы знаете это. Но всё же... Я бы хотел услышать его историю из ваших уст. Кто он на самом деле?

— Всему своё время. Возвращайся в Дуат. Наблюдай.

— Да, Матушка. — Анубис поклонился, тело его дрогнуло, обратившись в стройного шакала, и он растворился в вихре песка, поднявшегося у порога.

Исида продолжила ходить, но внезапно остановилась. Воздух стусился, вибрации изменились. Обернувшись, она увидела Апофиза, буквально вывалившегося из зияющего разлома в пространстве.

— Привет, Иша. Не ждала своего наместника? — мрачно усмехнулся он, отряхивая невидимую пыль. — А я с некоторыми... новостями.

Чихнув, он вальяжно откинулся на мягкое ложе и оскалился.

— Голова не болит от обилия чужих мыслей? — улыбнулась Исида, подходя ближе. — Скорее, от нудности двоюродного братца. Выгнал и проклял, между прочим.

— И даже не изволил объяснить, зачем он насильно возвращает пострадавших, не давая их Ка уйти в Круг?

— Не-а. Прорыл истерично, что это не моего хвоста дело, и поклялся наказать за это очаровательную Тебя. Будет распускать руки — получит по ним хвостом и ядами из лабораторий Амонет, обещаю. — Он хохотнул, но в смехе не было веселья. Исида села неподалёку, сложив руки на груди.

— К сожалению, яды на него не действуют...

— Значит, будут переломаны кости, — оскалился Апофиз, и блеск в его глазах стал холодным.

— Я не могу понять одного. Тебя устроит роль наместника в Уруке или нет?

— Я бы захватил всю их власть, но это уже настолько скучно... Да, многоуважаемая Властительница, вполне. Странно наблюдать за тобой, зная, что я... гораздо старше и опытнее. А нахожусь в теле юноши. Пока это в голове не сходится. — Он рассмеялся, но тут же серьёзно добавил:

— Однако я рад, что хоть кто-то из братцев заткнул их за пояс. Но я опечален смертью Ану и исчезновением Нинмах. Пожалуй, они единственные, кто относился ко мне с симпатией. Дядюшка узурпировал власть, был недальновиден... Передал бразды идиотам, озабоченным не процветанием рода, а лишь удовлетворением похоти. Впрочем, я доволен тем, что Ты дала мне. Эти знания... помогли понять, кто я. А что будет дальше — ведает лишь Вселенная...

Он прервался, приняв себя.

— Пахнет жжёным металлом и озоном. Кто-то непрощенный явился?

Исида встала, нахмурившись.

— Это Ра. Не ввязывайся в беседу. Что бы ни увидел или услышал — молчи. Спрячься или стань змеей на моей руке. — Она указала на предплечье.

— С удовольствием. — Апофиз кивнул. Воздух дрогнул, и на её руке обвилась чёрная змейка с глазами, словно два изумруда. Исида выдохнула, провела пальцем по чешуе. Змейка удовлетворённо зашипела.

Дверь распахнулась без стука. В покои вошёл Ра. Исида не обернулась, лишь тихо выдохнула.

Спокойно...

Он шагнул к ней, взял за плечо и грубо развернул к себе.

— И что теперь ты вытворяешь? Ты снова хочешь проблем с Ними обоими? Зачем ты отдала Апофизу Таблицы «Ме»?

— Может быть, потому что пора ему всё узнать, **Мардук**?! — выкрикнула Исида, подняв голову. В её голосе звенела сталь. Ра сжал её подбородок, притягивая ближе. Змея на руке угрожающе зашипела, приподнимаясь.

— Когда ты поймёшь, что они оба всё ещё могут навредить Тебе? — его голос стал низким, вибрирующим. — И если ты не перестанешь нарушать наши законы, навредить могу и я. Ты настолько осмелела, что забыла о границах дозволенного? Хотя ты и Властительница, но вся власть не в твоих руках! Не смей больше переступить черту!

— Да?! — Исида вырвалась, её глаза вспыхнули багрянцем. — Когда ты последний раз сверял замеры моей Ка и крови?! Тебя не смутило, что мои силы превзошли все данные, собранные ещё до Потопа?! Ты сам говорил: доводить меня до крайностей опасно! Нинмах предупреждала! А теперь что? Тыставляешь меня посмешищем? Той, кто не имеет права управлять землёй? Той, кто не смеет давать подданным Истину?! Ах да, ты же всегда боишься, как и они оба, что те, кто слабее, свергнут вас!

Она выплюнула последние слова ему в лицо. Ра потемнел кожей, глаза налились гневом. Он замахнулся — пощёчина прозвучала как удар бича. Он собрался ударить вновь, но Исида ловко перехватила его запястье. Её хватка была железной, а в пальцах дрогнула сила, способная крошить камень.

Он сверлил её взглядом, мрачно резюмируя:

— Наследная Принцесса, как же... Ты абсолютно не умеешь вести себя как правитель. Даёшь слишком много вольностей. Чего ты достойна? Если бы не ваше Триединство, Тебя бы уже обратили в прах. Ещё раз повторяю: ты слишком многое себе позволяешь. Многие из Возрождённых не должны знать, кто они.

— И с какой же целью? — она оттолкнула его руку, гордо развернулась и шагнула к трону. Он последовал за ней, но лицо его изменилось: злоба сменилась мрачной тревогой. Исида редко видела его таким.

— Стоило устраивать истерику? Что происходит, в конце концов!

— Если честно, я растерян. Потому что что бы ни делал Пта, это выходит боком огромными последствиями...

— А именно? Не томи. Говори.

— Только Апофиз, судя по всему, смог адекватно впитать информацию. Остальные... При многих попытках они сходят с ума. Впадают в болезненное неистовство...

Исида подскочила. *Теперь причина ясна.*

— Значит, кто-то, буквально покопавшись в разуме Осириса, вызвал у него очередное помутнение?

— Да. Я даже могу сказать, кто это был...

— Нельзя было трогать Нинурту! Нельзя! Он знал об этом! — Исида топнула ногой, и камень дрогнул под её сандалией.

— Поэтому мне нужно то, что ты ищешь, Иша... Пожалуйста... Я действительно мог бы помочь...

Мог бы... — пронеслось в её голове. Но это нужно было только Ей...

Глава V. Одержимость Солнца и Тени Мемфиса

— Я подумаю, ХоРахти. Но ничего не обещаю. Потому что я дала клятву Ей... Это для меня священно.

Ра-Мардук опустил голову. Его плечи, обычно прямые как копье, согнулись под тяжестью не только ответственности, но и давней, грызущей тоски.

— Иша, я готов пасть ниц перед тобой, лишь бы ты дала мне эти знания. Рано или поздно амбиции Старших приведут нас к вымиранию.

Исида подошла, коснулась его плеча. Взгляд Ра скользнул по её лицу, задержавшись на изгибе шеи, на пульсирующей жилке у ключицы. Даже спустя века после их развода, который она инициировала холодно и бесповоротно, его тянуло к ней с силой прилива. Он помнил их брачные ночи: как пахла её кожа — лотосом, миррой и чем-то неуловимым, древним, как сама звездная пыль. Как её тело, гибкое и совершенное, подчинялось не ему, а собственному ритму, оставляя его вечно жаждущим большего. Амонет? Амонет была сталью и огнём, прекрасной воительницей, но в ней не было той глубины, той манящей тайны, что сводила Ра с ума. Он хотел обладать Исидой не как богиней, а как женщиной. И эта жажда, замешанная на власти и отвергнутой близости, делала его слепым.

— Не могу, — её голос был тих, но твёрд как базальт. — Она предупреждала: безумство и паника среди выживших не принесут ничего, кроме новых руин. Прости. Я прошу лишь одного: не мешай мне. Возможно, в грядущем мне понадобится твоя сила. Но сейчас... это не твоя ноша.

— Иша, это и моя вина тоже! Я допустил это! Я мог остановить их! — Он резко стряхнул её руку, зашагал по залу.

Змейка на запястье Исиды зашипела, расправив капюшон. Исида провела пальцем по чешуе, и в сознании прозвучал тихий голос Апофиза: **«Запаниковал, когда уже поздно. Нужно было думать тогда, когда Энки в порыве безумия пронзил твою сестру отравленным клинком. Дитя, я изучаю данные — я вижу картину. Пока ты действуешь верно.»**

Исида едва заметно улыбнулась, подмигнув змейке. Та кивнула. Ра, погружённый в свои терзания, не заметил этого обмена.

— Ты сейчас не в состоянии принять верное решение, — остановила его Исида. — Успокойся. Обдумай. И... тебя ждёт Амонет.

Ра кивнул рассеянно и вышел. Как только шаги стихли за массивными дверями, змейка сползла с руки.

Вспышка тьмы — и перед Исидой снова стоял Апофиз.

— Знаешь, так и хотелось перегрызть ему глотку, — он усмехнулся, откидываясь на ложе. — Хотя бы чтобы он заткнулся и перестал распространять этот запах жжёного металла. На него у меня аллергия.

— Смысла нет, — Исида покачала головой. — В ближайшее время ты мне понадобишься. Я должна спуститься в Дуат.

Апофиз выгнул бровь.

— Ты же сама можешь разрывать миры. Зачем я?

— Я не хочу повторить его участь. Пока не найду свитки Нинмах о защите разума. Иначе снова попаду в лапы Пта-Энки. Если он начнёт выворачивать мою Ка... — она прижала ладонь к виску, опускаясь рядом с Апофизом. — **Я не выдержу.**

Апофиз наблюдал за ней. *Очаровательное Дитя. Силу, которую жаждут все. Безумцы. Чужая мощь никогда не приводила к добру. Я помню это.* Он встал, шутливо поклонился и вышел.

Исида улыбнулась. Раньше она мало знала Анзу лично. Теперь их взаимодействие открывало новые горизонты. Он проницателен, умён, и жажда мести за прошлое всё ещё жива в нём. Она легла, укрываясь льном, и закрыла глаза. *К чёрту всё. Нужен отдых...*

Тем временем в лаборатории Амонет...

Воздух гудел от низких вибраций. Свитки парили в пространстве, описывая сложные траектории. Амонет, совместно с Исидой искавшая формулу восстановления разума, вдруг вспомнила: у неё сохранились черновики. Обрывки памяти, записанные сразу после высадки с орбиты, по окончании Потопа. Пта «заботливо» стёр большую часть, но она, вопреки всему, фиксировала случайные вспышки на пергаменте.

Где же они?

В пылу поиска она не услышала шагов. В проёме появился золотоглазый юноша. Татуировка ибиса на плече, в руке — особое перо и мешочек, тихо позвякивающий монетами.

— Матушка, вы, как всегда, ничего не замечаете вокруг, когда разум вливается в одну мысль? — рассмеялся Тот. Из-под стола показалась взъерошенная рыжая голова с проседью. Амонет выскочила, сжимая свиток, исписанный... **кровью?**

Тот поморщился.

Мать не брезговала ничем, когда речь шла о фиксации мыслей. Языка крови он, к сожалению, не ведал...

Амонет подскочила к сыну, крепко обняла его.

— Сынок, ты прибыл. Рада. Очень рада видеть тебя.

— Матушка, я скучал. Расскажите, как вы? Что делает тётушка-Владычица? Не обижают ли вас Отец?

Амонет отстранилась, качнув головой.

— Про Отца хорошего мало... Натворил бед, желая помочь Пта с Дваждырождёнными.

— Да, я слышал отголоски...

— Теперь он не в восторге от последствий. Получает уничижительные послания от сестры Исиды. Осирис... снова начал сходить с ума, как в давние времена. Причина найдена. Теперь Отец твой не знает, как искупить этот... грех перед нашим родом. А ведь кроме Осириса и Апофиза Дваждырождённых довольно много. И всем нужно возвращать память постепенно.

Рассказывая, Амонет взяла Тота за руку, повела к столу, смахивая на ходу случайно разбросанные свитки.

Распорядившись принести яства, она присела, с удовольствием наблюдая, как он ест, и продолжала делиться вестями. В целом всё шло своим чередом, за исключением безумия Дваждырождённых (первым «отличился» Сет, и Тот это помнил хорошо). Люди обучались, боги наблюдали за возрождением человеческой части цивилизации. Исида правила. И они нашли девушку... **Духом невероятно похожую на их пропавшую Сестру.**

Тот отложил приборы. Внимательно посмотрел на мать.

— Откуда её привели?

— Кто-то проклял её, низверг в Нижние Миры, обрекая на гибель и телом, и духом. Её нашёл Апофиз и доставил в Луксор.

— И как она? Есть ли вести от неё самой?

— Честно? Информации — на горсть хлебных крошек. Мы с Сестрой попытаемся стабилизировать её мозговые волны. Её разум не выдержал нагрузки. Она сейчас в теле... **человека.**

Тот вздохнул, покачав головой.

Ошибки Пта стоили слишком дорого. Никто из Младших не хотел вновь видеть гневные лики Амонет и особенно Исиды. Только начали жить спокойно...

В дверь тихо постучали.

Отец... Вечно пахнет раскалённым железом после визитов к Солнцу за плазмой. Отвратительно, но...

Тот встал, приветствуя Ра.

— Отец, вы прибыли. Рад видеть вас.-Он поцеловал серую, сухую руку.

Ра похлопал сына по плечу, крепко обнял.

— Рад видеть тебя, моя Гордость и моё Знание. Как ты?

— Впитываю информацию от Матушки, которая снова встретила меня в своих бешеных... поисках. — Тот хохотнул.

Ра кивнул, внимательно посмотрел на Амонет. Та, радужки которой пылали багрянцем, едва заметно мотнула головой.

Не сейчас. Позже. Это касается попытки вернуть Эрешкигаль-Хатхор к жизни.

Ра кивнул в ответ, хлопнул Тота по плечу и вышел из лаборатории широким шагом. От его поступи разбежались крокодилы в искусственной заводи.

Сколько можно скрывать... Ну, я не пойду на поводу у Пта. Как же они не понимают...

Тем временем, лаборатория храма Пта в Мемфисе...

Которую ночь он не спал.

Паника и бешенство боролись в нём, сменяя друг друга волнами.

Она позволяла себе слишком много. Будучи под защитой его братца, она становилась всё опаснее. Её нужно было приструнить. А ещё... заняться безумием сына. Вытащить ядро его души. Метод кардинальный, обнуляющий сознание и Ка, но иных он не ведал. Нинмах не оставила им ничего, что могло бы исцелить. Почему? Этот вопрос всегда оставался без ответа. Она бросила их, доверив всё лишь Сёстрам. Одну он устранил с пути перед Потопом. За что на орбите Инанна-Исида проклинала его имя. Да, согласен, терять близкого больно. Но... Разделив с братом власть и земли, он сделает всё, чтобы трон остался его. Абсолютно всё. Если придётся — он окончательно разрушит счастье сына. Не в первый раз... Теперь ему никто не укажет...

В дверь постучали.

— Господин?

— Жрец, отправь послание Исиде. Она должна прибыть ко мне незамедлительно. Есть разговор.

Энки-Пта медленно сходил с ума, приняв в руки часть земель и обучая людей искусствам. Он познал сладость почитания. Преклонения. Он понял, каково это — быть Богом.

Но он не ведал, что рано или поздно тот же отравленный клинок достигнет и его вены. Час приближался...

Глава VI. Судьи Дуата и Пробуждение в Луксоре

Дуат. Чёрные воды Стикса отражали не небо, а изломанную ткань бытия. Осирис вглядывался в их гладь, перебирая в пальцах чётки из лазурита. Тело продолжало распадаться, клетка за клеткой, а разум... скользил, теряя контроль. *Исида собрала его по осколкам много веков назад, отец-Пта вдохнул в сосуд жизнь, но... это оказалось мучительнее самой смерти. Перерождение прошло с ошибкой. Кроме него, Исиды и Анубиса, никто не мог рвать ткань реальности, провозжая души в Круг. Ах, точно. Сет. Да, он тоже владел этим даром. Но почему у Сета тело цело, а он рассыпается буквально на атомы? Что же натворил Отец? И как удержать это безумие внутри?*

За спиной зашуршал песок. Прозвучал тихий, печальный вздох. *Брат?* Осирис обернулся. *Действительно, Сет.* Тот покачал головой, и в его глазах не было ни капли былой желчи.

— Я абсолютно грешен в том, что произошло. Знаю. Но последствия угнетают меня куда сильнее, чем видеть тебя в таком виде. Вся зависть, вся ярость... исчезли разом, брат мой. Как ты?

Осирис издал сухой смешок, коснулся шрамов, пересекающих скулы.

— Не в лучшей форме. До тебя дошли вести о моём... безрассудстве?

— Увы, да. Могу ли я чем-то помочь?

— Признать Анубиса наконец своим сыном. Вначале.

Сет скривился, словно от физической боли. Он до сих пор цеплялся за мысль, что Нефтида понесла сына от брата. Но правда оказалась горше: природа Анубиса была до боли схожа с его собственной астральной структурой. За одним жестоким исключением. Поскольку это было его **первое рождение** в этом мире, тяжёлая астрально-генетическая мутация была заложена в его матрицу ещё при формировании сосуда в лабораториях Отца.

Это стал не дар, а побочный эффект рискованных экспериментов по стабилизации Ка, наложенный на плоть не по воле самого юноши. С первого вдоха он нёс на себе печать чужого замысла, причиняющую ему глубокие физические спазмы и мучительное отчуждение от собственного тела. Сету было противно это признавать. Он ждал могучего наследника, воина. А получил существо, вынужденное скрывать свою двойственность под маской спокойствия.

Осирис выразительно поднял бровь, глядя на смятение в лице брата, и покачал головой, продолжая перебирать чётки. *Скверно. Очень скверно. Парень нуждался в признании. Хотя отцом он считал скорее Осириса, а не того, чья кровь текла в его жилах. Информацию об этом ему когда-то открыла Исида.*

Осирис сложил руки на груди, выжидая.

— Я жду ответа, брат. Как видишь, пока я, так сказать, в себе, нужно разрешить и этот вопрос.

— Не могу дать утвердительного ответа, но... я попытаюсь. Прости, пока это выше моих сил. Но может, есть что-то ещё, что я могу сделать для тебя? — Сет стыдливо опустил взгляд, напоминая нашкодившего отрока перед старшим.

Осирис улыбнулся, и в улыбке мелькнула усталая мудрость.

— Мне нужна замена на время. Я хочу выйти на поверхность. Мне нужен Судья.

— Что ты задумал?

— В первую очередь встретиться с женой, по которой я тоскую без слов. — Осирис рассмеялся, подмигнул. Сет улыбнулся в ответ, кивнул.

— В таких делах я всегда согласен помочь. Но всё же... тебя что-то ещё гложет?

— То, что я разлагаюсь при использовании дара, когда нужно отворить ткань реальности и сопроводить душу на покой. Мне нужно посетить отца. Взглянуть ему в глаза, чтобы он

ответил честно: что он со мной сделал? Я ни в чём не виню тебя, брат. Ты горяч и ревнив. Мы оба знаем, как появилась Нефтида.

При этих словах Сет вжал плечи, опустив голову.

Нефтида... Это он умолял Пта создать абсолютного двойника Исиды. Дух, плоть, искра — чтобы была близнецом. Он откуда-то знал, что разлучить Исиду и Осириса невозможно, кто бы что ни делал. Но он жаждал, чтобы она стала его спутницей жизни. Пта услышал. И создал Нефтиду. Тень. Абсолютную копию, с той же искрой безумия. Настолько похожую, что Сет начал ревновать её к собственному отражению. А она, чувствуя некое «родство» с Осирисом, сама потянулась к нему. Сет заметил. Ревность набирала обороты, точила разум, пока не превратилась в ту самую трещину, что расколола его душу. Осирис общался с Нефтидой, но не оказывал ей знаков внимания. А Сет постепенно сходил с ума. И это привело к тому, чем брат стал сейчас.

Сет потрянул головой, расправил плечи, сжал в руке серповидную косу.

— Когда ты хочешь отправиться, брат?

— Сейчас. Безотлагательно. Пора выяснить всё, что произошло.

Осирис набросил на плечи Плащ Теней, кивнул Сету, опустил капюшон и шагнул во мрак. Сет слегка улыбнулся, посмотрел вверх, в невидимый свод Дуата. *Пусть у него всё получится. Войн нам больше не нужно.*

Луксор. Храм Исиды. Гостевые покои.

Гор с трепетом следил за жрецами сквозь приоткрытую дверь. Его беспокоила та девушка. Рыжая, как луч закатного солнца. Такая... неопиcуемая. И томные, яркие зелёные глаза, в которых плескалась древняя память. Его не волновало, что она человек. Он слышал предания о союзах Аннунаков и смертных. Мечтал, чтобы его потомок был подобен Гильгамешу. И вот появился вариант, от которого перехватывало дыхание. Едва шевеля губами, он глядел в щель на жрецов, поивших Хатхор целебными настоями и читающих тексты адаптации к Верхнему миру. Она провела в Нижних Пределах слишком долго.

Он не заметил, как рядом возникла ещё одна головка. Маленькая, русая, кареглазая. Вилась змейкой, пытаясь разглядеть происходящее. Не выдержав, Кебхут — а это была именно она — со всей силы стукнула его по плечу. Гор вскрикнул, отпрыгнул.

— Чего бьёшь, мелкая?

— Не одному тебе любопытно, что там происходит, дя-дюш-ка, — нараспев протянула Кебхут и сунула голову в щель. — Это та самая девушка? Человек? Которую Матушка Исида так ревностно оберегает? Интересная... Будто... Дваждырождённая.

— Чего ты говоришь? Дважды... — Гор от удивления приоткрыл рот.

У Кебхут был дар видеть тех, кто уже прошёл Круг Перерождений. Дочь Анубиса, почти подросток, но с пронзительным взглядом, свойственным жрицам очищения вод. Она ведала процессы Тонких Планов и законы Нижних миров. Ошибалась редко. Наследовала материнскую чуткость. В её стойке уже угадывалась будущая непоколебимость воина, та самая защита границ, что позже проявится в ней с новой силой, когда она станет оплотом мудрости и несокрушимой преградой на пути врагов. Гор округлил глаза. **Надо запомнить. Рассказать Матери. Она была права.**

Кебхут тем временем продолжала крутиться, детское любопытство в ней странно уживалось с древней проницательностью. Гор ухмыльнулся.

— А ты, собственно, чего ею заинтересовалась?

— Матушка Исида не так уж заботится о людях. Только о тех существах, кого знала когда-то и желала встретить вновь, создавая им комфорт рядом с нами. Она же наша Матушка. Да и в целом, девушка действительно необычна. Кроме того, что внутри она ощущается как Дваждырождённая. Её энергии... Жрецы выполняют указания Матушки в точности, иначе тело не выдержит нагрузки. А ты, дядюшка, чего тут? Влюбился?

Честность и прямолинейность Кебхут были обезоруживающи. Гор неловко развёл руками, почесал затылок.

— Ну, понимаешь...

— Да ты даже дар речи потерял. Точно, влюбился. Наша она, хоть и человек. Во Славу Нибиру! — Кебхут хлопнула в ладоши и умчалась, оставив за собой лишь шуршание сандалий. Гор озадаченно покачал головой. *Мда... Как неожиданно появилась, так же неожиданно и исчезла.*

Хатхор приспособливали к новому сосуду, чего не сумел осуществить Пта. Жрецы фиксировали её энергетические каналы, выравнивали точки сборки Духа. Она чувствовала себя гораздо легче. Тело слушалось. И ей становилось всё любопытнее: почему о ней заботятся с таким трепетом? Кто она для них на самом деле? В её зелёных глазах загоралась тихая, но настойчивая искра пробуждения.

Глава VII. Одержимость Творца и Клинок Памяти

Дуат.

Стоявший в тених Анубис поморщился.

Совместный Суд душ с Сетом — перспектива, которую он приветствовал не слишком охотно. Да и сам Сет относился к нему... несколько враждебно.

Погружённый в размышления, Анубис не заметил, как Осирис взял его за руку и снял капюшон Плаща Теней.

Анубис склонил голову и поклонился:

— Отец, рад видеть вас. Простите, я слышал ваш разговор.

— Весь?

— Да. Переход случился в... несколько ненужный момент. Матушка беспокоится о вас. Вы в порядке? Она просила меня...

— Следить за мной. — Осирис хохотнул. — Зная характер Исиды, я так и думал, сын мой. Однако, как ты уже понял из нашего разговора, я собираюсь на поверхность. Прошу тебя — хотя бы не враждуй с Сетом. Всё-таки он твой родной отец...

При этих словах Анубис снова сморщил черты лица и отвернулся.

— Тот, кто пытался убить меня и отрицает моё существование, не может быть для меня отцом. Вы с Матушкой воспитали меня. Вы — мои самые родные родители, в отличие от кровных. Прости, Отец, но я пока не могу пересилить себя в своём отношении к Сету. — Однако твою просьбу я выполняю. Но нужно оповестить Мать, что ты выходишь на поверхность...

— Я люблю делать ей сюрпризы, — усмехнулся Осирис, — но, пожалуй, лучше будет так. Он кивнул, снова надел капюшон Плаща Теней — и исчез в пространстве Дуата.

Анубис подошёл к Сету, что смерил его оценивающим взглядом, и взмахнул рукой:

— Ну что ж... прошу пройти на место Судьи.

Луксор. Храм Исиды.

Снова эти сны... Сплошная боль, потери... В каком же состоянии она была, собирая Осириса по частям?... Совершенно пустой пробел. Всё, что она помнила, — это Орбита Туамат. А перед этим... Как Нинмах растворила себя прямо перед ней. И как Нинурта — Осирис — пытался напасть на неё, считая виновной в смерти своей матери. Хотя... он признал её матерью. За некоторое время до её смерти и последующего Потопы. А потом — Орбита. И сплошные мучения. Наблюдать, как Нинурте стирали память, снова было выше её сил... Она пыталась ему помочь — и почти получилось... Но даже на это не хватило сил. Силы... странные, необычные. Тогда она не придавала им значения. Но после — стала опасаться их. Это сносило всё на своём пути. Безконтрольно. И ещё... Пта. Его взгляд. Его руки. Его одержимость.

В дверь аккуратно постучали, и робкий голос возвестил:

— Матушка, здесь жрец...

Кого ещё Тьма принесла?

Дверь бесцеремонно распахнулась.

Ах, да. Только его жрецы могут вести себя столь невежливо. Видимо, что-то произошло...

Она села на ложе и взглядом приковала наивно шагающего жреца. Её глаза вспыхнули лазурно-синим.

— Чего тебе? — холодно произнесла она. — Слишком невежливо врывать в мои покои. Или Пта не научил вас хорошим манерам перед своими ставленниками?

Жрец поёжился.

Вся их уверенность испаряется перед проявлением силы...

Исида фыркнула.

Жрец нехотя склонил колено:

— Приветствую тебя, богиня жизни. Наш отец Пта срочно вызывает тебя в свой храм в Мемфисе. Причины он не назвал.

Исида кивнула — и одним движением ладони вышвырнула жреца из покоев.

Пусть будет уроком. Нечего проявлять Эго — уровнем ещё не дорос...

Она встала, пошатываясь. Голова всё ещё кружилась — слишком большой поток информации. Нужно собраться... Щелчком пальца она вызвала двух служанок и жреца. Те окурили её тело благовониями и преподнесли новые одежды — мягкие, лазурного цвета, словно утреннее небо над Нилом. *Осирис... Что же происходит в Дуате?*

В такт её размышлениям зашуршал песок — и перед ней возник Анубис в человеческом облике. Он склонил колено и улыбнулся:

— Матушка, вы, как всегда, неотразимы. Я прибыл с вестью: Отец вышел на поверхность, оставив Судьёй вместо себя Сета. Он желает видеть вас и добраться до храма Пта, чтобы получить ответы на свои вопросы.

Говоря это, Анубис заметил: глаза Исиды остались лазурно-синими — но с тревожным красным оттенком. Она молча кивнула, погладила его ладонью по щеке — и вышла из покоев.

Что-то здесь не так...

Анубис последовал за ней и наткнулся на жреца храма Пта, потирающего ушибленный бок.

Матушка опять гневалась... А состояние её не прошло. Беда будет...

Он задумался и повернул камень на браслете:

— Змей, ты слышишь меня?

— Прекрасно слышу, Дитя. Что-то случилось?

— Матушка отбыла в храм Пта. Будь начеку. Она в... довольно беспокойном состоянии.

— Принято.

Анубис зашагал по коридорам и увидел Гора, дежурившего у гостевых покоев. Тот наблюдал за девушкой — **той самой смертной**.

Улыбнувшись, Анубис тихо подкрался и потрепал брата за щеку:

— Эх ты, братец! А всё говорил, что останешься одиноким, как и я.

Гор подпрыгнул, обернулся — и вцепился в него объятиями:

— Братец! Как давно я тебя не видел... Я очень-очень соскучился!

— Заметно, — усмехнулся Анубис. — Эта девушка тебя зацепила. И выглядит она... достаточно симпатично.

— Братишка, я в первый раз влюбился! Представляешь?.. — Гор смущённо опустил голову.

Анубис посмотрел на него, улыбнулся и ободряюще положил ладонь на плечо.

Каждого постигает первая любовь... А его любовь?.. Она странная. Не такая, какой «положено» быть.

Он вздохнул:

— Братец, думаю, пора признаться ей в чувствах. Но не будь напористым — она всё же человек. Будь нежен, ласков... Пусть она сама откроется тебе.

Гор вновь вцепился в ошалевшего от такого проявления чувств Анубиса. Тот тихо хохотнул.

Да, дела... Гор буквально «прилип» к нему, сбивчиво говоря, что не знает, как быть, к кому обратиться... Что другие Аннунаки могут не понять его любовь к простой смертной.

Анубис гладил его по голове, утешая:

— Всё в порядке. Все мужчины нашего клана поймут.

Гор «отлип», сжал его руку:

— Спасибо... А зачем ты сам здесь?

— Отец выходит на поверхность. Послал меня оповестить Матушку. Однако... — Анубис понизил голос, — её вызвали в храм Пта. В довольно... нехорошем состоянии. Боюсь, не будет ли проблем. Нам не нужны очередные конфликты среди Старших.

Гор покачал головой.

Все знали, во что превращается Исида, когда охвачена негативом... Или... защитой?

Он вдруг подпрыгнул:

— Братец! Нам нужно оповестить Яхве и Ра!

— Не понимаю, зачем.

— Когда-то Матушка вскользь упоминала: общение с Пта часто заканчивается для неё проблемами... И даже... оцепенением духа. Она опасалась... ***стирания памяти.***

— ЧЕГО?! — прогрохотал Анубис. — Её могут лишить памяти?!

— Тихо, тихо, братец... Да, вроде бы такая угроза есть. Я передам это Энлилю и Ра. А ты — свяжись с Отцом. Пусть он прибудет сначала сюда, в Луксор.

Анубис кивнул — и исчез в вихре песка.

Гор задумчиво приложил палец к губе.

Он слышал о первом конфликте Старших... А сейчас — что происходит? Дуат всех поберет...

Он поспешил в покои Исиды — за доступом к таблицам «Ме».

Мемфис. Храм Пта и его лабораторные внутренние помещения.

Исида приземлилась на площадку перед храмом. Её судно, сияющее в лучах солнца, развернулось «клювом» к посадочной полосе.

Её опять тошнило. Кружилась голова.

И вдруг — ощущение: Осирис вышел на поверхность. Странно. Ведь он должен быть в Дуате... При подъёме по ступеням храма её учтиво встретили жрецы Пта и пригласили в лабораторные покои. Видимо, он узнал, что она ищет записи Нинмах.

У двери Исида поморщилась.

Сера? Опять в своём безумном репертуаре...

Она подняла руку, чтобы постучать — но изнутри раздался голос:

— Я слышу шуршание твоих одежд. Можешь не проявлять учтивость. Входи. Ибо ты уже проявила весьма большую заносчивость, скрыв от меня информацию и выпшвырнув моего жреца из покоев всплеском твоей воли. Я знаю.

Исида вошла. Пта стоял спиной, не оборачиваясь. Взмахом руки он предложил ей сесть. Её взгляд упал на стол — и там лежал тот самый клинок. Маленький. Отравленный звёздным ядом. Орудие, что погубило её сестру — ту, что так верила в его ответные чувства. Ненависть снова вспыхнула в груди. Её глаза — лазурно-синие мгновение назад — потемнели, налились красновато-чёрным.

Пта наконец повернулся. Он не заметил её состояния.

Зря...

— Буду краток, — начал он ледяным тоном. — И назову вещи своими именами, а не теми, что удобны нашим людям-египтянам. Иштар. Где чертежи Нинмах? И почему ты позволила Анзу-Апофизу получить доступ к таблицам «Ме» — которые, к слову, ты отобрала у меня вовсе не лучшим способом?

Исида хмыкнула, сдерживая смех:

— Зато — самым приятным для тебя. И не раз уже практикованным... в моём отношении, верно?

Пта вспыхнул. Мгновенно оказался перед ней, сжал её подбородок и, глядя в глаза, прошептал:

— Отвечай. На. Вопрос. Стерва. Я не давал тебе права распоряжаться информацией по собственному желанию.

Его пальцы дрожали. Не только от гнева.

Исида чувствовала это — ту самую липкую, тяжёлую тягу, что не отпускала его уже века. Она вспомнила Орбиту Тиамат. Его руки на её плечах, его дыхание у виска, его шёпот о том, что она должна принадлежать не Осирису, а ему. Творцу. Он пытался взять её силой, потом умолял, потом снова требовал. Его одержимость была не любовью, а жадой обладания, смесью эротического голода и мании контроля.

Исида ненавидела его за это. Ненавидела каждой клеткой, каждым шрамом на душе. Его желание было грязным, собственническим, лишаящим её воли. И теперь, стоя так близко, он снова дышал тем же самым — смесью ладана, металла и нескрываемой похоти, маскируемой под власть.

Голова закружилась. Тошнота подступила к горлу.

Плевать. На всё — плевать.

Она перехватила его запястье и резко встала — твёрдо, уверенно:

— Моё право закреплено в таблицах, хранящихся у твоего брата Энлиля. Если твоя память подвела тебя — моя всегда со мной. Даже несмотря на твои попытки... лишить меня разума. Если хочешь наказать меня за нарушение твоего «негласного порядка» — вперёд. Не в первый раз. И, похоже, не в последний.

Она вырвала руку, медленно, покачивая бёдрами, подошла к его столу — излучая злость, хаос... *и нечто неуправляемое.*

— Я пожелала поделиться информацией с тем, кто имеет на неё право: своим ставленником, другом, наместником. А что до поисков чертежей Нинмах... Это — моё желание. И тебя оно никоим образом не касается. Без объяснений. Потому что те Аннунаки, что возрождены твоими усилиями, постепенно теряют разум. И я решила найти то, что делала Нинмах: — способ фиксации волновых излучений мозга, — и метод их грамотной обработки. Она просила меня никогда не делиться этим с вами. Вы не сумеете внедрить ту долю знания, что нужна, чтобы наши Дваждырождённые жили — долго и целостно.

Говоря это, Исида коснулась ладонью клинка.

Пта поморщился — и мгновенно бросился к ней, пытаясь вывернуть руку. Но его отбросило назад, как будто невидимая стена встала между ними. Он поднялся, ошеломлённый. Исида стояла — кожа её потемнела до глубокого синего, волосы взметнулись вверх, как живые пламена. В руке — клинок.

Она всё же заметила...

Пта шагнул вперёд — и снова полетел назад. Тогда она подлетела к нему, приставила лезвие к горлу — и заговорила... Другим голосом. Голосом, что звучал из глубин Космоса и Времени:

— Каково — бояться того оружия, что ты сам создал, чтобы убивать всех? Каково жить с мыслью, что ты — не Создатель, а лишь сумасшедший учёный-убийца? Ты думал — я забыла? Ты веришь, что сможешь обуздать ту энергию, что так жаждешь? Подчинить её... и Меня, её носителя?... НЕ БЫВАТЬ ЭТОМУ!

Вспышка.

Взмах.

Клинок полоснул Энки-Пта по шее.

Он закрыл глаза. Ему не хотелось умирать... Но он мог этому противостоять! Энергии зажужжали. Кожа покрылась чешуёй.

Не сегодня, девочка...

Он попытался обездвижить её — но она стояла. Неподвижная. Охваченная вдвое большей силой. И никто не знал, что она способна выпустить сейчас.

Вспышки. Обмен ударами. Не на жизнь — на смерть.

Исида в отчаянии воззвала к своей сущности.

Тело не выдерживало — не тянуло мощь. В последнем порыве она вновь подлетела к Пта и полоснула его по руке. Лезвие заглоло плоть. Он отпрыгнул. А она закричала — вымещая всю боль, всю печаль, что накопила с тех пор, как стояла на космодроме...

Пта бросился к ней — но невидимая сила отбросила и обездвижила его. Исида рухнула. Упала в оцепенение — и успела лишь прокрутить камень в кольце, подаренном ей Яхве.

В тот же миг за её спиной возникла голограмма Энлиля.

— Откуда?! — оцепенел Энки. Энлиль прогрехотал:

— Я не давал разрешения на очередное вмешательство в её разум! Ты сошёл с ума?! Нам не нужны последствия!

Его голограмма подошла к лежащей Исиде — растрёпанной, без сознания, лежащей навзничь на мраморном полу.

Яхве вздохнул, развернулся — и нажал кнопку на таблицах «Ме»:

— Апофиз! Унеси Исиду из храма. Обрато — в Луксор. Неважно как. Даже через Междумирье.

Из портала в стенах храма Пта выступил Змей. Он окинул обстановку взглядом, склонил голову — и аккуратно поддел хвостом тело Исиды, уложив на изгиб своего тела.

Покачав головой, он раскрыл зубастую пасть — и произнёс, обращаясь к Энки:

— Я не тот, что был раньше, Энки. Я же предупреждал: ты будешь проклат. Теперь ты перешёл порог даже моего терпения. Прежде чем Осирис придёт к тебе за ответами — я добьюсь, чтобы он увидел последствия твоего безрассудства. Твоего вмешательства в их жизни.

Змей склонил голову перед молча стоящей голограммой Энлиля — шлёпнул хвостом — и исчез в портале, бережно придерживая Исиду.

Энлиль — Яхве — сложил руки на груди и начал мерить шагами святилище.

— Мы с тобой договорились, — произнёс он ледяным тоном. — Я дал тебе власть. Но не над всеми Аннунаки. Ты создал свою нацию людей... Однако всему есть предел!

Глава VIII. Сон Звёздного Океана и Нити Триединства

Луксор. Храм Исиды.

Первые лучи солнца коснулись вершин обелисков, и в святилище начался *Обряд Первой Чаши*.

Жрец Нехемес-Исит, облачённый в льняную тунику цвета утреннего неба, вошёл с кувшином в руках. Вода в нём — из священного источника, смешанная с каплей козьего молока и пылью лотоса. Он опустился на колени перед статуей богини, чей лик ещё скрывала вуаль из тёмно-синего шёлка.

— О, Мать Страданий и Силы, прими дар воды, что несёт память Нила. Пусть твой взор озарит день, а твоя тень защитит нас от Тьмы, — прошептал он, возливая влагу в чашу у подножия алтаря.

Дым ладана начал виться к потолку. В это мгновение священной тишины, когда богиня, по верованиям жрецов, впервые в день «вкушает» подношение, воздух дрогнул. Песок заструился по плитам — не снаружи, а изнутри самого храма. Свет померк.

Из вихря тени возник Апофиз. Портальная дуга засияла ярче звёзд Млечного Пути. На его мощном, покрытом чешуёй теле покоилась Исида — бережно уложенная, словно спящее дитя.

Змей застучал хвостом, рассеивая опешивших жрецов, и аккуратно обошёл Нехемес-Исита. Тот, замерев, едва не выронил чашу. Он понял: произошла беда.

— Матушка вошла в состояние *Хемет-Немер*... — прошептал он одними губами. — Значит, случилось страшное...

Он поставил чашу на пьедестал и быстрыми шагами последовал за Апофизом. Тот, войдя в покои Исиды, бережно перенёс её со своего тела на Ложе — её Хат. Обернувшись юношей, Апофиз беспокойно осмотрел её, но жрец уже был рядом, держа в руках кристаллические пластины диагностики.

Пока Нехемес-Исит подключал тонкие жилы к вискам Исиды, считывая колебания её Ка, Апофиз мерил покои неспешными шагами, погружённый в мрачные размышления. *Что же происходит с её сосудом? Как помочь, чтобы она не уходила в глубину так далеко, что не сможет вернуться?*

В ответ на его мысли песок зашуршал по колоннам — и в центре комнаты возникли Ану-бис и Осирис. Осирис, не говоря ни слова, подошёл к ложу. Его пальцы, привыкшие касаться костей и восстанавливать плоть, легли на лоб Исиды. Кожа была прохладной, но под ней пульсировала такая мощь, что у Осириса перехватило дыхание. *Он так тосковал по теплу её ладоней, по тому, как она дышала во сне, прижимаясь к его плечу. Теперь он касался лишь обочелки, а внутри бушевал океан.*

— Её Ка не разрушается, — тихо сказал он. — Она сливается с первичным огнём... Той самой Силой, что испепелила бы любого из Старших. Однако она знала: за ней скрыта ещё одна Истина, о которой Нинмах не рассказывала никому, кроме неё и её Сестёр.

Апофиз остановился.

— Значит, Пта...

— Он не просто «стёр» её, — перебил Осирис, не отрывая взгляда от её лица. — Он коснулся Источника. А она, в отчаянии, открыла врата своей Ка тому самому Абсолюту, от которого Пта вечно бежит в панике. Он её боится...

Нехемес-Исит сглотнул. На кристалле мигал предупреждающий символ — три луны, сошедшиеся в одной точке.

— Господин... Её сознание уходит в *Хемет-Нетер* глубже, чем когда-либо. Если она не вернётся до завтрашнего восхода...

— Она не исчезнет, — сказал Анубис, подходя ближе. Его глаза, обычно холодные, были полны тревоги. — Но вернётся иной. Та, кто помнит всё — даже то, что должно оставаться забытым.

Его взгляд сверкнул металлическим огнём. Осирис закрыл глаза. *Важно понять... Важно вспомнить, кто Мы... Нужно снять печати, которые были наложены... Сын прав. Её нужно вернуть к истинной сути, иначе попытка контроля Пта поставит под угрозу всё, что мне дорого... Мне была дорога ОНА.*

Он вспомнил, как она пыталась защитить его на Орбите от очередного вмешательства в разум — и пострадала сама. Да, он — техник, воитель, архитектор душ... Но своими же руками он допустил то, что разрушало его Любимую.

Осирис открыл глаза и выдохнул:

— Нехемес-Исит!

— Да, Господин...

— Мне нужна Сфера Зеркала Разума. Да, та самая, что мы привезли с Орбиты. Не смотри так! У Госпожи стоят тяжёлые блоки, от которых её нужно избавить...

Жрец склонился — и исчез.

Осирис сел у изголовья Ложа и ладонями «обнял» голову Исиды.

— Иша... я всё помню... Прости меня, если можешь... Я исправлю хотя бы часть тех ошибок, что были совершены... Ты должна дать ему отпор...

Пространство загудело — низким, почти органным звуком, будто сам храм вспомнил своё имя. Мраморный пол у ложа пошёл мелкими трещинами, расходящимися звездой. *Слышит...*

Вдруг её пальцы дрогнули. Не от боли. От распознавания.

Нехемес-Исит вернулся, неся в руках сферу из чёрного обсидиана, оплетённую тонкими нитями света. Это был древний инструмент аннунаков, созданный ещё до Потопа: не просто сканер, а *Зеркало Разума*, способное отражать лабиринты Ка.

Осирис осторожно поместил его над головой Исиды. Сфера ожила: в её глубине закрутились голографические узоры, отображающие структуру её сознания. На поверхности засияла карта — но не в виде сухих долей, а как живое ночное небо:

— *Узел Глубинной Памяти мерцал тусклым светом Сириуса* — заблокированный, подёрнутый дымкой; — Центр Решений горел красным, как угли костра — искажённый страхом;

— *Очаг Тревоги пульсировал ядовито-чёрным* — режим вечного выживания;

— *Врата Сна были запаяны кристаллом* — гормональный и энергетический замок: мелатонин, серотонин, окситоцин — под печатью.

— Вот оно... — прошептал Осирис. — Пта не просто стёр. Он перепрограммировал её на существование без любви. После того как я пострадал от действий Сета и был вынужден спуститься в Дуат на века... он решил окончательно затуманить ей разум. Несмотря на то, что она всё знала...

Внезапно на карте вспыхнула чёрная паутина — психоблокировки, наложенные голосами из прошлого: «*Ты не достойна*», «*Твоя сила — проклятие*», «*Любовь — слабость*». Каждая нить подавляла связи, отвечающие за доверие, радость, принятие.

— Смотрите, — сказал Осирис, указывая на маленький, но яркий огонёк в центре. — Её ядро всё ещё живо. Когда-то Нинмах сказала нам, что это — «Искра Истинной Суты».

Он провёл пальцем над сферой — и ошибочные связи начали трещать, как лёд под весенним солнцем. Но в тот же миг чёрная паутина сжалась сильнее.

— Она сопротивляется... — прошептал жрец. — Её разум боится свободы.

— Не разум, — ответил Осирис. — Свобода — это боль. Это я когда-то внушил ей этот страх... А Пта довершил блокировку. И страх здесь — не её. Страх — его. *От того, чем она обладает...*

Он прикоснулся к сфере и зашептал — не словами, а частотой, на которой работал её разум в юности, до всех печатей. В грядущие эпохи люди назовут это *мантрами*, а само погружение — *йога-нидрой*, сознательным сном, где граница между я и космосом стирается. Но здесь, в колыбели аннунаки, это было древним искусством Хранителей: Осирис принимал позу Спящего на змее времени, погружаясь в океан её Ка, чтобы стать якорем, удерживающим её от растворения. Это был прообраз того, кем он станет позже, не только грозного Воителя и Защитника, но и Спящего, сохраняющего баланс мироздания через медитативный покой.

И впервые за долгое время на карте загорелась звезда над Узлом Памяти.

Абсолют Ка начал пробуждаться.

Осирис нервно выдохнул. Апофиз, внимательно наблюдавший без единого звука, пригладил волосы. Анубис переложил Косу Судьбы из одной руки в другую.

— Мы Её не потеряем, — процедил Апофиз. — Достаточно с нас проделок Старших.

Анубис кивнул. А Осирис... покачал головой и приложил палец к губам. Процесс ещё не был завершён. *Нужно было наладить мост с её Ка...*

Он лёг рядом, на бок, подперев голову рукой и повернувшись к ней лицом. Положил свободную ладонь ей на лоб — и закрыл глаза. Возможно, последствия будут тяжёлыми для него... Но нужно было понять: что происходит внутри неё?

Где-то в глубинах Млечного Пути...

Её душа, её Ка, мерцала дымкой звёзд. Она плыла где-то там — очень далеко... И снова — голос, забытый ещё с тех времён, когда эксперименты дошли до абсолютных попыток:

— Самой-то каково — осознавать, что ты могла бы не уважать порядок, а просто дать ещё ТОГДА этому конченому засранцу отпор?

— Ты?

— Я — это Ты. А Ты — это Я. Напомню, — голос дрожал от ярости, — пойми наконец: ты — сосуд с двойной силой...

— О чём ты?

— Ты забыла, что произошло после вспышки и ухода Нинмах из тела?

— Я помню только, что в меня влетела какая-то искра... Тогда я не придавала ей значения...

— Ну ты и рассеянна... Я не испытываю эмоций в твоём привычном понимании, но мне даже слегка стыдно за твою слепоту. Нинмах отдала тебе не только знания, умения, память и весь функционал. Она отдала тебе ещё и... Себя. Часть души, если можно так выразить.

Рядом замерцала ещё одна Ка.

— Наконец-то явил себя! И я тоже могу на тебя посмотреть. С тебя спросят Творцы, Нинурта. Ты знал об этом? Голос яростно-насмешливо проворчал — и воплотился в созвездие. Большое. Древнее.

Нинурта-Осирис не знал его имени, однако увидел: это существо держало Ка Исида, словно ребёнка, и горело огнём в том месте, где у человеческого тела находится сердце. Созвездие насмешливо сверкнуло огоньками и приблизилось к нему. Пауза. Его осматривали — как музейный экспонат. А он тем временем изучал основную часть её Ка. *Так вот кто она такая...*

Созвездие уменьшилось в размерах и облекло Ка Исиды в небольшой «кокон». Сложив импровизированные руки за спиной, оно обошло его вокруг несколько раз.

— Ну так что — ты знал? Я же наблюдаю Её глазами за происходящим.

— Знал. Но не понимал масштаб до конца. Честно. Я очень завидовал тому, что она имеет. Что имеют Сёстры в Триединстве. И когда трагедии начали происходить одна за другой, я понял: за нами наблюдают. И что Триединство Сестёр — это Сила, выходящая за рамки

даже понимания Аннунаки. Хотя Нинмах нам постоянно твердила об этом... Мы её так и не услышали. Посчитали её слова очередным безумием, хотя сами были — и остались — ещё теми безумцами...

Созвездие замерло. Его огни погасли на мгновение — как будто Вселенная задержала дыхание.

— Триединство — не просто «три богини», — заговорило оно, и голос стал глубже, древнее, как гул галактик. — Это три состояния Единой Истины:

Свет над землёй — Исида: Жизнь, Любовь, Присутствие.

Тьма под землёй — Эрешкигаль: Смерть, Трансформация Предел.

Корни между ними — Амонет: Память, Связь, Истина, что не умирает.

Без одной — рушится всё. Без Тьмы — Свет становится ослепляющим. Без Корней — Свет и Тьма не знают друг друга.

А Пта... — голос дрогнул от презрения, — Энки-Ду... Он пытается вырвать Корни, чтобы Свет стал послушным инструментом, а Тьма — мусором для утилизации. Но вы забыли главное, Нинурта. Вы — не владельцы Сестёр. Вы — их стражи. А также...

Созвездие вновь приблизилось, и теперь Осирис увидел: в его центре пульсировала тройная спираль — как ДНК, но сотканная из звёзд, слёз и молчания.

— Ты уже видел эти глаза, кстати.

Осирис вздрогнул. — Хатхор...

— Эрешкигаль в плоти, да. Генетически выточенная, но духом — истинная. Она ещё не помнит себя целиком. Её память — как разбитое зеркало. Но каждую ночь, когда она смотрит на луну, её Ка шепчет имя подземного царства. Триединство не разрушено, как бы кто ни старался. Оно в процессе собирания — и будет собираться целиком из века в век.

Свет — в Исиде, которая помнит любовь,

Тьма — в Хатхор, которая начинает помнить страх и суд,

Корни — в Амонет, которая хранит имена всех, кого вы потеряли, и ждёт, когда Сёстры снова возьмутся за руки.

А Пта... — голос стал холодным, как вакуум, — он думает, что может отделить Свет от Тьмы, как провод от тока. Но мы — не схема. Мы — круг. И если он разорвёт его — вся система погаснет.

Созвездие обвило Ка Исиды мягким сиянием, как мать укрывает дитя.

— Я — Атман-Душа и вечное Сознание Исиды. Но также я — и эхо Триединства. И пока Хатхор дышит, пока Амонет произносит заклинания в тишине и творит свои яды в гуле лабораторий и щелкании пастей крокодилов — Исида не будет одна. Но если она забудет... Если ты позволишь этому произойти — а также поспособствуешь сам...

Созвездие погасло почти полностью, оставив лишь две искры: одну — синюю, другую — тёмно-алую. — ...то даже возвращённая Тьма не спасёт баланс. Ты понял?

Осирис поднял глаза — и в них отразились обе звезды.

— Понял.

Созвездие медленно отступило, растворяясь в ткани космоса. Но в последний миг Ка Исиды дрогнула. Не резко. Не громко. Просто — лёгкое мерцание, как вздох. Она слышала. И этого было достаточно.

Осирис, мерцая, долетел до Ка Исиды и бережно её обнял.

Она, не открывая глаз, прошептала:

— Наконец-то ты рядом...

— Моя дорогая, любовь моя, — ответил он, прижимая её энергетический контур к груди. — Я не могу оставаться с тобой долго. Я рассчитывал лишь на то, что пробуду с тобой несколько земных дней — и пойду к Отцу-Пта за ответами. Однако Анубис настиг меня по

дороге и передал: ты под угрозой очередного «стирания»... И что Пта снова воспользуется теми методами, которые он сам же просил меня разработать...

Он замолчал. Голос дрогнул.

— Прости меня, Душа моя... Я бесконечно перед тобой виноват...

Осирис вновь обнял Ка Исиды, которая «плавала» в воздухе в позе эмбриона.

— Я боюсь, что ты больше не вернёшься... — прошептала она. — Не покидай меня снова... Прошу... — Ты — та, кто даёт мне *Силу. Силу Духа. Силу Любви*. Даже если со мной что-то произойдёт... Ты знаешь, что нужно делать, чтобы вернуть меня назад. Я верю в тебя. И я всегда рядом с тобой. Он приблизился, коснулся её лба своим. — Прости меня, моя *Путеводная Звезда*... Нужно положить происходящему конец.

Осирис отделил от своей Ка маленькую звёздочку — и «влил» её в Ка Исиды.

— Я всегда рядом. Помни: что бы я ни делал плохого — я связан с тобой навечно. И моя сила — тоже. Береги себя. Он исчез.

А Исида в космосе открыла глаза... И сотрясла криком ближайшие планеты.

Храм Исиды. Луксор.

Осирис открыл глаза, убрал руку и встал с Ложа. Прошло, казалось бы, мгновение — но оно было бесконечным. И прерывать его не хотелось... Но проделки Отца пора было прекращать.

На него, приподняв бровь, смотрел Апофиз, сидевший неподалёку.

— И чего ты собрался делать?

— Показать Отцу, что он не прав, — тихо ответил Осирис, — и услышать ответы на самые главные вопросы.

— Тебе недостаточно было того, что ты уже увидел? — фыркнул Апофиз, нервно пригладив волосы. — Хочешь спрашивать, вместо того чтобы бросить вызов? Как был наивным мальчишкой, так и остался.

На самом деле он тоже был обеспокоен. *Он не особо вникал в магическую технократию и манипуляции с Ка. Но он был достаточно Ведающим, чтобы оценить приближающиеся последствия. Угроза абсолютизма Пта становилась всё ярче. Он даже удивился, что Энлиль-Яхве не знал об этом... Пока, по всей видимости, ему кто-то из Младших не сообщил. Реакция-то была быстрой...*

Осирис отрицательно покачал головой и направился к выходу в сопровождении жреца. Нехемес-Исит почтительно протянул руку, заметив, как дрожат пальцы Воскресшего.

Тем временем Анубис аккуратно убирал Сферу. *И вдруг вспомнил: он где-то видел эти лазуритовые чётки в руках Матери. Отец оставил о себе напоминание... Значит, он знал, что всё пойдёт так.* Анубис улыбнулся — горько, но с пониманием. Медленно, бережно, он сложил руки Исиды, лежавшей в состоянии *Хемет-Нетер*, ладонями друг на друга — как это делают перед великим переходом.

Она вернётся... Но он — уже не будет в состоянии ясного разума... Он покинет их...

Глава IX. Тень Архитектора и Клятва Крови

Мемфис. Храм Пта.

Осирис ступил на холодный камень двора, едва коснувшись земли после перехода через врата межмирья. *Корабль Исиды всё ещё стоял у подножия священной лестницы?.. До чего же доводят безрассудные шаги...*

Он коснулся пальцами резной панели из лазурита и меди. Корабль тихо загудел, вибрируя древними рунами, и начал готовиться к обратному пути в Луксор. Осирис вышел, едва заметно улыбнувшись, и закрыл створки.

Взмахнув полами Плаща Теней, он поднялся по базальтовым ступеням и прошептал, едва шевельнув губами: *«Пора положить конец этому... Нельзя вечно направлять нас друг на друга».*

Подойдя к воротам лабораторных покоев, он поднял руку, чтобы постучать, — но дверь распахнулась сама. Из глубины раздался голос, хриплый и надломленный:

— Входи, Сын мой.

Осирис переступил порог — и замер. Перед ним лежала картина опустошения. Пта сидел в массивном кресле, не скрывая свой истинный облик: седые волосы спутаны, глаза горели жёлтым огнём с вертикальным зрачком, а кожа, серая и покрытая грубой чешуёй, местами лоснилась от пота и мази. Вокруг — разбитые алабасторовые сосуды, вмятины в базальтовых стенах, опрокинутые медные столы. Всё кричало об одном: здесь бушевало не могущество, а безумие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.